

О. И. ДЕСЮКЕВИЧ

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ЖУРНАЛА «ЗНАНИЕ - СИЛА»

Анализируется опыт представления в научно-популярном тексте концептов, определяющих сознание современного человека. Рассматривается направление концептуальной журналистики, выделяется особый тип - концептуальная научная журналистика.

The experience of the representation in a scientific text of key concepts that determine the consciousness of contemporary people is analysed. The conceptual journalism is considered and its special type-conceptual scientific journalism is introduced.

Задача изучения концептуальной журналистики была выдвинута в Беларуси профессором СМ. Прохоровой. Концептуальная журналистика, по ее определению, «особым образом "работает" со словом < ... > формирует отношение говорящего к языковому знаку и участвует в формировании концептуальной картины мира носителей языка» (Прохорова 2003, 54). Анализ

газетных текстов позволил также определить метод концептуальной журналистики - создание убедительных для читателей профилей концептов на основе выявленной концептуализации языкового знака известными личностями, сравнение с которыми позволяет читателю осмыслить собственную концептуализацию, благодаря чему и происходит «познание смысла и познание себя» читателем. СМ. Прохорова отмечала также, что в концептуальных текстах огромное значение имеют его сильные позиции, прежде всего заголовок и предтекст.

С этой точки зрения может быть рассмотрен также научно-популярный дискурс. Изучение научного текста в когнитивно-дискурсивной парадигме, по мысли СВ. Ракитиной, позволит «представить его как результат воображаемого (виртуального) коммуникативного акта, такого "продукта" когнитивно-дискурсивной деятельности, в котором проявляются особенности концептосферы личности ученого» (Ракитина 2006, 430). Научно-популярный текст, периферийный для научного стиля, интересен не только своим пограничным статусом между научным и публицистическим, но и особой ролью автора - интерпретатора результатов научной деятельности, чьи коммуникативные интенции определяют содержание и эмоциональную тональность текста.

Концептосфера автора научно-популярного текста, таким образом, раскрывается не прямо - через изложение результатов собственной научной деятельности, - а опосредованно. Научная журналистика, или научная публицистика, является концептуальной по определению, поскольку ее задача состоит в истолковании и популяризации нового знания.

Журнал «Знание - сила» отличает от других изданий данного направления глубокий интерес к гуманитарной науке и философии. В этой статье пойдет речь об опытах описания и осмысления в нем культурных концептов. Следует подчеркнуть, что это издание целенаправленно отбирает для обсуждения те мировоззренческие понятия, которые определяют сознание современного человека, отражают его ценностные ориентиры. Такие актуальные концепты становятся темой номера, анализу каждого из них посвящается рубрика «Главная тема» (например, концепту *праздник* был посвящен номер журнала за декабрь 2004 г.; концепту *маргинал* - за ноябрь 2006 г., концепту *молодость* - январский номер 2007 г.). Чаще всего тема раскрывается в двух-четырёх публикациях, которым предшествует текст проблемного характера. Причем коллектив авторов меняется от номера к номеру, неизменным остается лишь создатель этой рубрики - О. Балла. Выработанные ею способы формирования и изменения представлений читателей, связанных с тем или иным понятием, а также дискурсивные и стилистические особенности ее текстов являются предметом нашей статьи. Начнем с того, что отметим наиболее ярко выраженные когнитивные и дискурсивные характеристики текстов автора, а затем представим более полное описание одного из концептов - *скука*.

Первое, что характеризует концептуальный анализ в текстах О. Балла, - это опора на исследование языкового знака, вербализующего выбранный концепт, и не только этимологическое, что соответствовало бы требованию генетической последовательности (Ю.С. Степанов), но и семантическое: автор последовательно рассматривает, как то или иное понятие «обрастает» ассоциациями, положительными или отрицательными коннотациями в сознании современного русского человека. Так, концепт *маргинал* рассматривается первоначально через этимологию лат. *marginalis*, затем соотносится с английским коррелятом, таким образом выясняется базовое понятие. Впоследствии основное внимание фокусируется на том, как предупредить возможное или опровергнуть уже существующее предубеждение по отношению к маргинальному человеку, для чего автором последова-

тельно формируется положительный образ человека, «заведомо более свободного, подвижного и пластичного, чем те, кто сидят в своих хорошо обжитых мирах и не суются за их пределы», «индивида с более широким горизонтом, более утонченным интеллектом, более независимыми и рациональными взглядами», «способного находить и устанавливать нестандартные связи», «более цивилизованного существа» (Балла 2006, 22). Создается впечатление, что автор сознательно формирует ценностный контраст между таким высоким представлением и тем, которое характеризует обыденное сознание и официальную идеологию: «В повседневной речи слово практически сразу получило негативный смысл. "Маргинальность" стали отождествлять с а(нти)социальностью, люмпенизацией, перевернутой системой ценностей. < ... > ...И сегодня имеют в виду именно и только это» (Балла 2006, 23). Такие контрастные ценностные подходы выявляются в каждом из текстов этого автора, благодаря чему сквозь призму одного мировоззренческого понятия рассматривается современное общество во всем его многообразии.

Следующее, что характеризует авторский стиль О. Балла, - это широкое использование «сквозных» метафор, обладающих большой объяснительной силой и экспрессией, из-за этого получивших в когнитивной лингвистике терминологическое определение концептуальных. Например, актуализируя в концепте *праздник* семантику пустого времени, которое современный человек уже не может заполнить осмысленными действиями и которым тяготеет, автор описывает это метафорически: «Праздники стали *прорехами* в бытии», и далее: «Праздник - оголенное, уязвимое пространство. В это *зияние в ткани* прежде входили Божества, Предки, Духи, силы природы... Но чем позже, тем активнее сквозь него стали внедряться силы вполне мирские. Например, государство с его идеологией - ему так хочется стать сакральным!» (Балла 2004 [а], 34). В некоторых случаях в тексте может быть прямо сформулирована концептуальная метафора, как в следующем фрагменте - метафора *ритуал - лифт*: «Можно, конечно, сказать, что утраченный предмет особого переживания - это "Сакральное": "вертикальное" измерение жизни, которое мы в процессе новоевропейского "расколдовывания" мира потеряли. Что ритуал - своего рода лифт, поднимающий по заданным маршрутам на заданных участках бытия; а постсоветский лифт вполне советской модели не поднимает нас уже решительно никуда» (Балла 2004 [а], 34). Данная метафора удачна не только тем, что образно осмысливает абстрактную категорию «вертикального» измерения жизни, но и тем, что позволяет построить ценностную оппозицию традиционного ритуала и современного.

Еще одной стороной дискурса выбранного автора является постоянный непринужденный диалог, причем не только с читателем (например, завершая какое-либо рассуждение, зашедшее слишком далеко, автор может сказать: «Слезайте, приехали!»), но и с прецедентными для современного читателя личностями. К примеру, в тексте о маргиналах она упоминает М.М. Бахтина следующим образом: «Да и наш Бахтин говаривал, что-де культура творится на границах культур». Прецедентное имя становится еще одним способом вести непринужденную, окрашенную в иронические тона беседу с читателем.

Рассмотрим более тщательно опыт описания одного из концептов - *скука* - в материале О. Балла (см. Балла 2004). Озаглавленная метафорически - «Анатомия скуки», работа в первой своей части подтверждает концептуализацию скуки как явления живого. Понятие рассматривается лингвистически грамотно, на основании стандартного фрейма глагола *скупать*. Оказывается, что субъектом этого действия являются прежде всего молодые люди. Автор иронизирует по этому поводу, прибегая даже к несобст-

венно-прямой речи, что не часто можно встретить в таком типе текста и что, конечно, характеризует авторский стиль: «Молодые, считается, скучают особенно, причем так думают и сами молодые. Им, бедным, оказывается, деть себя некуда. < ... > Ну, тошнит этих молодых от того, что взрослые им предлагают и навязывают. Лучше по улицам шататься и пиво пить, хотя тоже, конечно, скучища» (Балла 2004, 48).

Поскольку глагол в своем первом значении одновалентен, следующим шагом в профилировании становится выяснение, что вызывает скуку - по наблюдению автора, это может быть и дело, и безделие, и новое, и старое, скучают и «от скудости возможностей и от их чрезмерного разнообразия».

Поведение человека по отношению к этому состоянию также может быть разным: с одной стороны, существует такой тип поведения, который воплотился в образе скучающего денди: «Скучать в своем роде принято: это и поза, и позиция, со времен денди позапрошлого века маркирующая неприятие жизненных обстоятельств». Однако человек принимает эту позу только по отношению к себе как *человеку внешнему*, внутренне денди характеризуется интенсивной интеллектуальной жизнью, поэтому существует в противовес иной тип поведения: «Скуку принято из всех сил отрицать. Это одно из незыблемых правил хорошего тона в отношениях не столько даже с другими, сколько в первую очередь с самим собой. Да как же скучать-то, в самом деле, когда столько интересного на свете, когда жить так трудно, когда надо деньги зарабатывать». «От скуки пытаются куда-нибудь деться, устроить так, чтобы этой окаянной скучищи не было» (Балла 2004, 48) - такие глаголы указывают на то, что человек боится скуки, предпринимает все возможные усилия, чтобы избежать этого состояния.

Собственно определение этого состояния автор заимствует у С.Л. Франка, который определяет чувство человека Нового времени как «мучительно-тоскливое состояние пустоты и неудовлетворенности». Это и есть скука, по мнению автора, - состояние всего человечества. Глаголы, описывающие отношение человека к этому состоянию, и действие самой скуки позволяют автору вернуться к метафорическому осмыслению, которое было задано заголовком: «Едва ли не все, кто в истекшем столетии брались рассуждать о том, что человечество скуке, более-менее сходятся в том, что повышенная культурная "разогретость" скуки и всего с нею связанного - симптом постигшей мир большой, глобальной утраты смысла». Скука, таким образом, осмысливается метафорически как признак, проявление более глобальной проблемы, как симптом болезни: «Скука, подобно боли в организме, конечно, верный симптом того, что в отношениях со смыслом что-то неладно». Обращает внимание также входящая в семантическое поле болезни метафора *невроз цели*; скука, присущая европейскому человеку, по мнению автора, вызвана его внутренней неудовлетворенностью из-за отсутствия жизненных целей.

Помимо метафорического способа, через который выявляется отрицательное в представлении о скуке, концептуализация выражается в тексте прямо, через предикаты, приписываемые языковому знаку, т. е. в бинаминативной конструкции: «Скука наших современников - свидетельство готовности к переходу в новую культурную стадию и переназревшей уже потребности в этом», а также: «Скука - форма недоверия: одной из благороднейших позиций в европейской культуре. Скучаем - значит, не покупаемся слишком легко на готовые обманы и заготовленные впрок рецепты самообмана» (Балла 2004, 52). В случаях прямой концептуализации, как в приведенных только что, актуализируется положительная составляющая концепта.

Отличие концептуального научно-популярного текста состоит в актуализации в нем этимологического и исторического слоев концепта. Применительно к языковому знаку скука, этимология которого не вполне выяснена,

особую важность приобретает история появления и формирования современных представлений, связанных с данным языковым знаком. Поскольку, по данным исторических словарей, языковой знак *скука* фиксируется только в начале XVIII в. (1704 г.), автор замечает: «Счесть ли случайным, что в русских памятниках письменности "скука" с ее производными раньше Петровской эпохи не встречается? Ох, велик соблазн предположить, что как вступили мы в общеевропейское Новое время с его ценностями новизны и достижения, так и заскучали...» Поэтому с большой тщательностью автор ищет слова того же семантического поля в европейских языках. И указывает, что у древних греков подобного языкового знака не было, хотя были «праздность», «невозмутимость» и «равнодушие». Несомненно, данный концепт является принадлежностью христианской культуры, в которой был воплощен в латинский термин *acedia* или *accidia* с первоначальным значением 'лень', 'вялость', а в текстах Иоанна Кассиана Римлянина (360-435) так именовалось состояние монаха, испытывающего отвращение к избранному пути. Как указывает О. Балла, изначально *acedia* была моральным понятием, рассматривалась как неблагодарность Творцу, как отказ от душевного труда, за что человек должен был чувствовать себя виноватым и это свое состояние преодолевать.

Первое энциклопедическое описание этого состояния принадлежит Роберту Бертону (1577-1640), труд которого «Анатомия меланхолии» (1621) известен автору, на что указывает аллюзия в заголовке - «Анатомия скуки». Бертон связывает меланхолию, эту «елизаветинскую болезнь», с праздностью: «Я пишу о меланхолии, дабы избежать меланхолии. У меланхолии нет большей причины, чем праздность, и нет лучшего средства против нее, чем занятость». Подтверждение этому О. Балла находит у Канта, сказавшего, что «человек - это единственное животное, которое должно работать», чтобы исцелиться от пустоты и скуки, в которой он испытывает презрение и отвращение к собственному существованию. Работать не с прагматическими целями, а с самыми что ни на есть экзистенциальными: заполнить время содержанием, спасти душу от распада.

Своеобразную связь концептуализации *скуки* и *времени* автор находит в картине мира одной из самых прецедентных личностей нашего времени - Иосифа Бродского, который, обращаясь к американским студентам, говорил следующее: «Когда вас одолевает скука, предайтесь ей. Пусть она вас задавит; погрузитесь, достаньте до дна... Она представляет чистое, неразведенное время во всем его повторяющемся, избыточном, монотонном величии. Скука - это ваше окно на бесконечность времени, то есть на вашу незначительность в нем... "Ты конечен, - говорит вам время голосом скуки, - и что ты ни делаешь, с моей точки зрения, тщетно". Это, конечно, не прозвучит музыкой для вашего слуха; однако ощущение тщетности, ограниченной значимости ваших даже самых высоких, самых пылких действий лучше, чем иллюзия их плодотворности и сопутствующее им самомнение. Скука - вторжение времени в вашу систему ценностей. Она помещает ваше существование в его перспективу, конечный результат которой - смирение». Концептуализация Бродского не только значительно отличается от приведенных ранее - для автора особенно важно подчеркнуть, что эта концептуализация человека верующего, - она говорит: «Поэт заменяет имя Бога одним из доступных его иносказаний: именем Времени» (цит. по: Балла 2004, 36).

Итак, выявление семантических признаков, формирующих ценностное представление о *скуке*, проходит в проанализированном тексте через несколько этапов: семантический анализ глагола *скачать*, метафорическое переосмысление *скуки* как симптома болезни, поиск коррелирующих понятий в европейских языках и выявление смыслового развития латинского языкового знака, через связь концепта со сферой божественного и семан-

тической оппозицией *работа - праздность* в философском дискурсе и с концептом *время* в картине мира И. Бродского. Прodelанный анализ приводит автора к позитивному пониманию скуки, которое она формулирует для читателя так: «<скука - это возможность> услышать смысл мира самого по себе, до всех наших позитивных программ, мир, как правило, терзающих и всегда, неизбежно, частичных по отношению к нему... мы утратили терпение, доверчивость, открытость по отношению к тому, что нас превосходит. Скука - коли от нее не бежать - способна их нам вернуть» (Балла 2004, 56). Рассмотренные в когнитивно-дискурсивном аспекте тексты О. Балла указывают на существование особого типа научной журналистики - концептуальной. Используя опыт лингвистического анализа, актуализируя в связи с избранным понятием богатый культурный и философский контекст, автор ведет диалог с читателем, направленный на то, чтобы изменить его ценностные представления о мире и заставить его, познавая смысл, «познать себя».

ЛИТЕРАТУРА

- Балла О. Анатомия скуки // Знание - сила. 2004. № 7. С. 48-56.
 Балла О. Праздник и Пустота // Знание - сила. 2004 [а]. № 12. С. 33-38.
 Балла О. Живущие на краю // Знание - сила. 2006. № 11. С. 21-26.
 Прохорова С.М. Концептуальная журналистика в Беларуси // Язык и социум: Материалы междунар. науч. конф.: В 2 ч. Мн., 2003. Ч. 1. С. 54-61.
 Ракитина С.В. Научный текст как «продукт» когнитивно-дискурсивной деятельности // Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии. Вып. I: Межвуз. сб. науч. ст. Тамбов, 2006. С. 428-430.

Поступила в редакцию 15.02.07.

Ольга Ивановна Десюкевич - кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и литературного редактирования.